

ОНТОЛОГИЯ ЮМОРА В РОМАНЕ «ОБЛОМОВ» И.А. ГОНЧАРОВА

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, mosalevagv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>

Аннотация. В статье освещаются вопросы восприятия смеха в античной и христианской традициях (в святоотеческом наследии), в русской и западно-европейской культурах. Рассматриваются различные точки зрения на характер комического в романе И.А. Гончарова «Обломов», специфика юмористического пафоса автора, соотношение комического и трагического, различные аспекты комического в романе. Обломов понимается как персонаж, совмещающий в себе комические и трагические черты. В статье доказывается, что особенности юмора в романе связаны с православной аксиологией, с феноменом соборности, объединяющим людей. Общий смех, связывающий обломовцев, космичен, он оказывается производным от природной радости Обломовки. Обломов – радостный евангельский ребенок, добрая улыбка на его лице остается до финала романа неизменной. Взаимоотношения Обломова и Захара строятся на комических основаниях, устраняя иерархически статусную преграду между ними. Небрежное отношение к вещам Захара символично: и для Обломова, и для Захара приоритетна внутренняя жизнь личности. Гончаров в лице Обломова выступает как противник сатирического направления в литературе, заявляя о себе как преемнике Гоголя. Миссия художника, выражаемая Обломовым, заключается в любви к изображаемому им человеку и плаче по его несовершенству и падению.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, комическое, трагическое, смех, юмор, сатира, герои, поэтика, евангельские мотивы, православная аксиология.

Для цитирования: Мосалева Г.В. Онтология юмора в романе «Обломов» И.А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 85–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-85-92>

Research Article

ONTOLOGY OF HUMOUR IN THE NOVEL “OBLOMOV” BY IVAN GONCHAROV

Galina V. Mosaleva, Doctor of Philological Sciences, Udmurt State University, Izhevsk, Udmurtia autonomy, Russia, mosalevagv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>

Abstract. The article highlights the perception of laughter in ancient and Christian traditions (in the patristic heritage), in Russian and Western European cultures. Various points of view on the nature of the comic in the novel “Oblomov” by Ivan Goncharov, the specifics of the author’s humorous pathos, the ratio of the comic and the tragic, various aspects of the comic in the novel. Ilya Oblomov is understood as a character that combines comic and tragic features. The article proves that the features of humour in the novel are connected with Orthodox axiology, with the phenomenon of conciliarity that unites people. The general laughter that binds the Oblomovites is cosmic; it turns out to be a derivative of Oblomovka’s natural joy. Ilya Oblomov is a joyful gospel child, a kind smile on his face remains unchanged until the end of the novel. The relationship between Ilya Oblomov and Zakhar is built on comical grounds, eliminating the hierarchical status barrier between them. The careless attitude to things Zakhar is symbolic – for both Ilya Oblomov and Zakhar, the inner life of the individual is a priority. Ivan Goncharov, in the person of Ilya Oblomov, acts as an opponent of the satirical trend in literature, declaring himself as Nikolai Gogol’s successor. The mission of the artist, expressed by Ilya Oblomov, is to love the person he depicts and cry for his imperfection and fall.

Keywords: Ivan Goncharov, comic, tragic, laughter, humour, satire, heroes, poetics, gospel motifs, Orthodox acctiology.

For citation: Mosaleva G.V. Ontology of humour in the novel “Oblomov” by Ivan Goncharov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 85–92 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-85-92>

Категория комического привлекала внимание философов еще с античных времен. Практически все обзоры о ней начинаются с апелляции к «Поэтике» Аристотеля, в которой он дал определение комедии и смешному: «Комедия... воспроизведение худших людей, но не в смысле полной порочности»; «смешное есть часть безобразного: смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдание и ни для кого не пагубное» [Аристотель: 704]. Как показывают исследования, этой проблемой интересовались все значительные фигуры античного мира. Для Аристофана «истинный смех» – это «смех над ложью, средство восстановления истины» [Сычев: 11]. Комический модус в той или иной степени присутствует практически в любом диалоге Платона, передающем сократовскую иронию.

Проблеме комического, решающей ее на материале разных культур и эпох, посвящены работы А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, В.Я. Проппа, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко, Л.В. Карасева и многих других современных исследователей [Гришанова].

Восприятие смеха в языческой культуре античности и последующем за ней христианстве различно, поскольку *смех*, по замечанию Д.С. Лихачева, прежде всего, «мировоззрение» [Лихачев]. «Для эллина смех – благо, для христианина – зло» [Карасев: 48], «язычеству остается смех, а христианство получает слезы» [Карасев: 49]. Вместе с тем «христианство одухотворило смех» [Карасев: 59], оно «соединило улыбку с той тихой, особой радостью, которая ведома человеку, помышляющему о Боге» [Карасев: 51]. Смех бывает разной природы в зависимости от его связи с добром или со злом. И в силу этого в каждом конкретном контексте он проявляет обусловленную этой связью аксиологию. «Подлинный смех» рождается на стыке блага и зла, как ответ блага на зло» [Карасев: 60]. В древнерусских пародиях Д.С. Лихачев отмечал разделенность мира на настоящий и не настоящий, «кромешный» [Лихачев: 351]. «Подлинный смех» обнаруживает свою бытийность в настоящем мире, он «связан со светом» и «освещает зло, принуждая его к отступлению», и тогда «граница зла отодвигается смехом» [Карасев: 60]. Смех не однороден: «... в христианстве в целом, равно как и в русском православии, смех относили к атрибутам дьявола и осуждали, а улыбку считали выражением светлой радости и причастности тайне спасения» [Токарева: 96].

По замечанию С.С. Аверинцева, «смех» в русской культуре рифмуется со словом «грех»: «Где смех, там и грех» [Аверинцев: 360]. Русская культура относится к смеху «как неуправляемой, а потому опасной “стихий”» [Аверинцев: 361].

Сложнее дело обстоит со смехом в западно-европейской культуре, что вызывает разность трактовок.

Так, в творчестве Рабле (1494–1553) – французского писателя эпохи позднего Возрождения, отразившего многообразные проявления «карнавального смеха» как феномена «народной смеховой культуры», Бахтин видит положительное явление, связанное, в его понимании, со стремлением человека к духовной и интеллектуальной свободе [Бахтин]. В отличие от Бахтина, Лосев указывает на «сатанинскую» природу смеха Рабле, означающего, по мысли философа, проявление «гибели» эстетики Ренессанса, связанной с идеей человеческого самоутверждения [Лосев]. Лосев видит в творчестве Рабле «пример жесточайшего разоблачения стихийно-артистического самоутверждения человека в эпоху Ренессанса» [Лосев].

Говоря о христианской традиции в связи с соотношением смеха и свободы, Аверинцев замечает: «... в точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен», поэтому «Христос никогда не “смеялся”» [Аверинцев: 346].

В Апостоле нигде не говорится о смехе, но лишь о радости, духовном веселье, противостоящем унынию: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите» (1 Фес. 5: 16–18). Вслед за Апостолом в святоотеческой литературе одной из развиваемых идей в православии является идея радости во Христе. *Радость* у святых отцов и есть *духовный смех души*, которую можно познать с помощью *блаженного, благодатного плача* [Лествичник: 111]. Причем *радость* и *плач* соединяются в одно понятие: *радостотворного плача*: «Если ничто так не согласно со смиренномудрием, как плач, то, без сомнения, ничто столько не противится ему, как смех» [Лествичник: 106].

Из святых отцов, напрямую негативно не выражавших отношение к смеху, нередко называют св. Иоанна Златоуста: «Не смех – зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он не уместен... способность смеха внедрена в нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение, а не для того, чтобы расслаблялась» [Златоуст].

Смех же без меры, «безвременный смех» связан с «блудом, тщеславием, наслаждением (пищей)», вызывается этими страстями [Лествичник: 227] и поэтому оценивается в святоотеческом наследии как грех. Русская классика наследует святоотеческому опыту, транслируя его в художественное слово. Рассмотрим на примере романа И.А. Гончарова «Обломов» особенности воплощения комического и авторское отношение к нему.

Одним из первых, кто обратил внимание на характерные для гончаровского эпоса аспекты смешного, был К.Н. Леонтьев, отметивший «добродушный и примирительный характер» юмора писателя: «Ни желчи, ни злобы, ни придинок, а просто сама жизнь со всею полнотой ее и с тем равновесием зла

и добра, которое доступно в ней чувству здравомыслящего человека» [Леонтьев]. Леонтьев, отмечая «тонкий и добрый характер комизма, юмора и насмешки» Гончарова, счел его «совершенной новостью» в нашей литературе и весьма примечательно назвал гончаровский юмор «елейным», присущим «жизни круга высшего и богатого». По характеристике Леонтьева, и сам автор находился под влиянием этого «весьма правдивого и почтенного» чувства [Леонтьев]. И. Анненский увидел в «Обломове» присутствие «радости бытия, поэзии и прозы жизни» «в ее личных и национальных и мировых формах» [Анненский: 265].

Обобщая мнения критиков-предшественников, М.В. Отрадин пришел к примечательному выводу о том, что «комическое в художественной системе И.А. Гончарова, точнее всего можно определить, как юмор» [Отрадин: 115]. Вместе с тем ученый, на наш взгляд, слишком гиперболизирует влияние юмористического пафоса на романский мир Гончарова. В частности, мы не согласимся с его утверждением, что начиная с романа «Обломов» в художественной системе Гончарова «власть юмора становится абсолютной» [Отрадин: 116]. В «Обрыве» юмор, скорее, убывает по сравнению с «Обломовым». Сильнее же, разностороннее и субстанционально выразительнее юмор проявляет себя именно в «Обломове». Вместе с тем категория комического, проблема юмора и иронии становятся в современном гончароведении одними из самых обсуждаемых [Гродецкая; Ермолаева].

Юмористический пафос первой части романа создается, на наш взгляд, непосредственно авторской интонацией: «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов» [Гончаров 4: 7]. Главными объектами юмористического пафоса автора являются Обломов и Захар. Сами отношения Обломова и Захара окрашены юмором, причем иногда трудно понять, кто господин, а кто слуга. Обломов ироничен по отношению к Захару, указывая на его недостатки, но легко мирится с ними; он по-своему любит Захара и заботится о нем. Когда Тарантьев советует отправить Захара в смиренный дом за то, что он отказывается дать ему примерить фрак Обломова, последний резко возражает: «Да, вот этого еще недоставало: старика в смиренный дом!» [Гончаров 4: 56]. Несмотря на грубую напористость Тарантьева и угрозы Обломова, Захар не соглашается отдать «черный фрак» барина.

Захар – своеобразный *двойник* Обломова. Однако если Обломов воплощает поэтическую идею обломовского мира, то Захар – прозаическую, простонародную. Захар – «философ» *внеэстетических начал*

жизни. *Сор и беспорядок, присущие* русской жизни в понимании Захара, символизируют *жизненное богатство и многообразие*, а *чистота и порядок* как атрибуты немецкого образа жизни являются признаками *скудости и однообразия*.

Вся первая часть романа изобилует комичными ситуациями и сценами, связанными с Захаром. Почти во всех одиннадцати главах первой части романа Захар, наряду с Обломовым, является полноправным героем. В первой главе портретируются и Обломов, и Захар: «В комнату вошел пожилой человек в сером сюртуке, с прорехою под мышкой, откуда торчал клочок рубашки, в сером же жилете, с медными пуговицами, с голым, как колено, черепом и с необъятно широкими и густыми русыми с проседью бакенбардами, из которых каждой стало бы на три бороды» [Гончаров 4: 11].

Как есть у Обломова вещь-двойник, его знаменитый *персидский халат*, представляющий одно целое с его обладателем, так есть такая вещь и у Захара: «Захар не старался изменить не только данного ему Богом образа, но и своего костюма, в котором он ходил в деревне. Платье ему шилось по вывезенному им из деревни образцу. Серый сюртук и жилет нравились ему и потому, что в этой полуформенной одежде он видел слабое воспоминание ливреи, которую он носил некогда, провожая покойных господ в церковь или в гости; а ливрея в воспоминаниях его была единственною представительницею достоинства дома Обломовых» [Гончаров 4: 11].

Неотъемлемой частью образа Захара являются и его знаменитые «прыжки» со своей лежанки с «ворчаньем цепной собаки» по зову Обломова. Захару полностью посвящаются седьмая и десятая главы. В восьмой и одиннадцатой повествование равномерно распределено между Обломовым и Захаром, в знаменитой девятой главе, называемой «Сном Обломова», наряду с главным героем, изображается и предыстория его слуги – Захара Трофимыча – юного Захарки.

В портретной седьмой главе комически изображаются все недостатки Захара: тяга к выпивке, к сплетням; стремление утаить барские деньги от сдачи, неопрятность, неловкость: «У Обломова в кабинете переломаны или перебиты почти все вещи, особенно мелкие, требующие осторожного обращения с ними, – и все по милости Захара» [Гончаров 4: 71].

Как правило, из свойств Захара, присущих Обломову, называют его вечную дремоту и лень, но забывают отметить еще одну родственную черту: «Не смотря... на наружную угрюмость и дикость, Захар был довольно мягкого и доброго сердца» [Гончаров 4: 76]. Как и Обломов, его любили дети. Восьмая глава, предваряющая «Сон Обломова», – апогей комизма в романе, изображающая многочисленность переходов от смеха к слезам и наоборот.

Захар в какой-то степени раним: он всерьез обижается на Обломова за прозвание его «ядовитым»: «Да что это, Илья Ильич, за наказание! Я христианин: что ж вы ядовитым-то браните? Далось: ядовитый! Мы при старом барине родились и выросли, он и щенком изволил бранить, и за уши драл, а эдакого слова не слыхивали, выдумок не было! Долго ли до греха!» [Гончаров 4: 82]. Наконец, комичная «патетическая сцена» следует после его сравнения Обломова с «другими»: «Захар потерял решительно всякую способность понять речь Обломова; но губы его вздулись от внутреннего волнения; патетическая сцена гремела, над головой его...» [Гончаров 4: 95].

«Патетическая сцена» несколько раз прерывается просьбой Обломова, обращенной к Захару, «дать квасу», которым Захар предлагает разбавить засохшие чернила. Внезапное *сближение поэзии и прозы* у Гончарова часто *рождает смех*. Можно сказать, что это одно из свойств гончаровской поэтики.

Отношения с Захаром проясняют характер Обломова. Уже первая сцена общения Обломова с Захаром воспроизводит типичную ситуацию бездействия героя: Обломов решает взяться за дело и зовет Захара, но проходит какое-то время и Обломов «погружается в задумчивость» и забывает, зачем он требует слугу к себе: «Звал? Зачем же я это звал – не помню! – отвечал он, потягиваясь. – Поди пока к себе, а я вспомню» [Гончаров 4: 12].

На протяжении первой главы Обломов несколько раз зовет Захара и не может вспомнить, для чего, на ходу придумывая мелкие поводы: то просит найти вчерашнее письмо от старосты, то носовой платок. Эта ситуация повторяется вплоть до третьей части романа, в которой Обломов в связи с намечающейся женитьбой на Ольге никак не может решиться на необходимые действия. Внутренний драматизм Обломова, его нежелание изменяться проявляются в комичном призыве Захара к себе и непонимании, для чего он его позвал.

Образ Агафьи Матвеевны не подвергается авторской иронии, но он намеренно «упрощается», не теряя при этом своей ценности и глубины. Напротив, ироническое повествование о Волкове, Судьбинском, Пенкине и едко сатирическое – о Тарантьеве и Мухоморове наглядно обнаруживает авторскую оценку.

Однако юмористический фон романа не однороден и присущ лишь первой его части. Примечательно, что А.А. Григорьев уже и в первой части романа увидел не юмор, а авторскую иронию, несправедливо направленную на «обломовщину» и неуместно проявившуюся, по его мнению, в знаменитом «Сне Обломова»: «Для чего в самом “Сне” – неприятно резкая струя иронии в отношении к тому, что выше штольцевщины и адуевщины» [Григорьев: 195].

Если сравнить авторскую интонацию первой части романа с четвертой, последней, то контраст окажется

разительным: от юмора, легкости и добродушия не останется и следа. Тем не менее в художественном целом романа комическое и трагическое уравновешены, перетекают друг в друга. В романе наблюдается последовательное движение от смеха и веселья к печали и слезам.

Первая часть романа – самая юмористическая, фон которой, как мы показали, формируется непосредственно авторской интонацией. Но Илья Ильич Обломов вовсе не юмористический, а *осмеиваемый* персонаж, поэтому он бывает и комичен, и трагичен. Не случайно в нем обнаруживаются черты Дон-Кихота, Пиквика, Мышкина – образов «прекрасного человека» в художественной литературе. Обращаясь к знаменитым героям произведений Сервантеса и Диккенса при создании образа Мышкина, Достоевский сумел прикоснуться к *тайне юмора*: «...из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль... но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет... Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному – а, стало быть, является симпатия и в читателях. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора» [Достоевский 28: 251].

Обломов в романе осмеивается практически всеми, благодаря чему в читателях возникает *сострадание* к герою. Совмещением в Обломове комических и трагических свойств автор добивался многомерной глубины образа. Особенности юмора в романе «Обломов» непосредственно связаны с ценностями Православия. Все другие аспекты вытекают из его аксиологии, им определяются и представляют собой своеобразную онтологию юмора.

Конфессиональные аспекты

В мироощущении Обломова *юмор* предстает как феномен *соборности*, как благодатное свойство и чувство, связанное с неосуждением людей, с добротой, теплотой и весельем, с милосердным отношением к миру и человеку, со связью всех со всеми. Если в смехе нет сочувствия и сострадания, такой юмор Обломов отвергает. Показателен его разговор с литератором Пенкиным, сторонником «реального направления в литературе», которому вменяется задача суда над обществом и человеком.

В речи Пенкина *смех* уподобляется физиологизму, желчи, презрению, наказанию: «до смеха похоже», «желчное гонение на порок», «смех презрения над падшим человеком», «надо карать», «извергнуть из гражданской среды, из общества» [Гончаров 4: 29]. Видимому *грубому смеху и злости* сторонников «реального направления» Обломов противопоставляет «невидимые слезы», апеллируя к «авторскому плачу» Гоголя. Сам Обломов смеется, не считая «Сна Об-

ломова», только в последней, одиннадцатой главе первой части, завершающейся приездом Штольца. Чаще же Обломову на протяжении всего повествования свойственны слезы (подчас «сладкие», райские), ему присущ тихий «задумчивый взгляд» и печальная улыбка.

Единственным предметом *иронии, уничижения и нравственного бичевания* Обломова служит он сам. Самоирония, как правило, рождает у Обломова чувство стыда. Именно этим чувством завершается уже первая глава романа: «Уж кто-то и пришел! – сказал Обломов, кутаясь в халат. – А я еще не вставал – срам да и только!» [Гончаров 4: 19]. По мысли С.С. Аверинцева, «если есть смех, который может быть признан христианским...», «то это самоосмеяние, уничтожающее привязанность к себе» [Аверинцев: 348–349]. Обломову свойственно как раз самоосмеяние. Лицо Обломова вспыхивает «целым пожаром стыда» после выяснения отношений с Захаром, сравнившим его с «другими» [Гончаров 4: 100].

Смех как феномен единства проявляет себя в девятой главе, в знаменитом «Сне Обломова», где Обломовка предстает как *царство добродушия, веселости и расслабленности*.

Глава построена по апофатическому принципу: свойства «мирного уголка» – Обломовки, в который входят несколько деревень, проясняются не через утверждение, а через отрицание. Обломовка *не такова*, как места, отличающиеся «грандиозным, диким и угрюмым ландшафтом». В ней все тихо, мирно и спокойно, *все не так*, как хотелось бы *поэту и мечтателю*. Календарный цикл Обломовки начинается с описания весны, затем повествование останавливается на времени Крещения, «снега и мороза»; вновь весны и лишь затем лета, грозового Ильина дня: «Радостно приветствует дождь крестьянин» [Гончаров 4: 103]. Обломовке присуща *природная и космическая радость*, находящая отзвук в человеческом сердце: дождь «весело запрыгает, точно крупные и жаркие слезы *внезапно обрадованного* человека»; солнце с *ясной улыбкой* любви»; «вся страна *улыбается счастьем* в ответ солнцу» (курсив мой. – Г. М.) [Гончаров 4: 103].

Легкость и веселье составляют атмосферу детства Илюши: вместе с няней они весело хохочут, а сам он всегда «бодрый, свежий и веселый». *Образ матери* глубже, он наполнен теплыми слезами, радостью и молитвой. Смех в Обломовке является воплощением полнокровной и цельной русской жизни, объединяющим всех вокруг себя.

В «Сне Обломова» присутствует только одна сцена, изображающая смех, – это *общий хохот* над Лукой Савичем, расшибшим бровь при катанье на салазках, но она поистине грандиозна и космична: «...хохот разлился по всему обществу, проник до передней

и до девичьей, объял весь дом, все вспомнили забавный случай, все хохочут долго, дружно, *несказанно*, как олимпийские боги» (курсив мой. – Г. М.) [Гончаров 4: 133].

Сравнение обломовцев с олимпийцами выступает у Гончарова в чисто православном контексте, как проявление единства, соборности. Не случайно Лосев отдавал предпочтение античной иронии с присущей ей «органической», «стихийной объективностью», «жизненностью», что, как считал философ, «делает ее значимой и для современности», в отличие от субъективизма романтической иронии. Ценность античной иронии, по мысли Лосева, еще и в том, что ее целью является «достижение высших ценностей», а не игра, характерная для романтиков [Лосев].

Повод для смеха чисто детский: падение героя во время зимней забавы. В общий хохот вовлекается весь обломовский мир: и смеющиеся, и осмеиваемый Лука Савич, и проснувшийся Илюша. Осмеяние в мире обломовцев является объединяющим свойством, а не поводом для раздора, потому что этот смех еще остается беззлобным.

Психологические аспекты

Смех преобразуется в личности Обломова в *радость и веселье*, соединяющиеся в его душе с *добротой*. Результатом этого одухотворенного душой Обломова смеха является его *добрая улыбка*, ставшая уникальной особенностью его портрета, неповторимой чертой его облика и целостного образа: без *добротой улыбки* Обломов не представим, он сохраняет ее до самого конца: «...ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки. И поверхностно наблюдательный, холодный человек, взглянув мимоходом на Обломова, сказал бы: «Добряк должен быть, простота!» Человек поглубже и посимпатичнее, долго глядявываясь в лицо его, отошел бы в приятном раздумье, с улыбкой» [Гончаров 4: 7].

И поверхностный, и глубокий человек видели в Обломове доброту и простоту. Обломовская улыбка как дар передавалась душе, способной ее воспринять. *Улыбка* Обломова сродни *детской*, и в этом сравнении проступает свойство искренности и неподдельной простоты Обломова, обнаруживающее у него отсутствие лукавства и лицемерия. Обломов – вечный евангельский ребенок, именно свойства «незлобности» и детской открытости подчеркивал в Обломове А.В. Дружинин: Обломов – «незлобный и нежный ребенок», он «оставил за собой чистоту и простоту ребенка» [Дружинин].

Однако у Обломова есть свое страшное испытание: когда его «мирное счастье» и «покой» находятся

под угрозой. Тогда «добрая улыбка» Обломова сменяется «горьким смехом». Настоящий разлад Обломов испытывает во время подготовки к свадьбе с Ольгой. Он стремится «отодвинуть» это время, вытеснить предстоящее событие из своего сознания, ужасаясь своего «жениховства»: «Ему живо представилось, как он объявлен женихом... как он вдруг станет предметом любопытства... Потом, потом, по праву и обязанности жениха, он привезет невесте подарок...

– Подарок! – с ужасом сказал он себе и расхохотался горьким смехом.

Подарок! А у него двести рублей в кармане» [Гончаров 4: 345].

В истории с Ольгой «добрая улыбка» на лице Обломова чередуется с «горьким смехом» и слезами, в отношениях же с Агафьей Матвеевной остается неизменной.

Ментальные аспекты

Одна из постоянных черт «обломовцев» – «добродушный юмор», присущий миру радости и довольства. Делясь со Штольцем «идеалом» своей жизни, Обломов рисует картину своего ближнего круга: «В глазах собеседников увидишь симпатию, в шутке искренний, незлобный смех... Все по душе! Что в глазах, словах, то и на сердце!» [Гончаров 4: 182].

Тяготение русского человека к юмору, по мысли А.А. Григорьева, может иметь характер гиперболизма, критик отмечает бесстрашие русского человека перед «ножом анализа» и «бичом комизма»: «Русский человек – так уж его Бог создал – не боится прилагать нож анализа и бич комизма к каким бы то ни было *видимым* явлениям... Комическое или по крайней мере отрицательное отношение ко всему составляет может быть высшее свойство нашего ума...» [Григорьев].

Через юмор осуществляется внесловная связь всех со всеми. Общий хохот в Обломовке – одно из объединяющих начал народности: он долетает «до передней» и «до девичьей», охватывает «весь дом» [Гончаров 4: 133], обломовцы заливаются «добродушным смехом» под влиянием «деревенского юмора» [Гончаров 4: 135].

Культурные аспекты

Для Обломова *смех в литературе* над человеком и человечеством уместен только, по слову Гоголя, сквозь «невидимые слезы»: «Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, – тогда я стану вас читать и склоню пред вами голову...» [Гончаров 4: 30]. Поведение Обломова напоминает заповедь Христа: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12).

В нравах Обломовки Гончаров видит Илиаду русской жизни, но изображенную не Гомером, а «наши-

ми гомеридами», в ее обитателях – «наших Ахиллов и Улиссов», Илью Муромца и Алешу Поповича, героев русской сказки, «неслыханную красавицу» Милитрису Кирбитьевну. Показательно, что Гончаров сравнивает Обломовку с миром Древней Греции, а не с позднейшими эпохами и населяет ее «нашими» героями, среди которых Илья Муромец и Алеша Попович – герои Крещеной Руси. Не случайно главный герой носит имя знаменитого богатыря, подвиги которого связаны и с былинным эпосом, и со святоотеческим преданием (преп. Илья Печерский).

Книга в мире обломовцев – вещь, назначенная «для развлечения, от скуки и от нечего делать», поэтому из «небольшой кучки книг» отец Обломова – Илья Иванович – выбирал «что попадетсЯ»: «Голиков ли... Новейший ли Сонник», «Хераскова Россияда, или трагедии Сумарокова», или... третьегодичные ведомости...» [Гончаров 4: 139]. Названные книги относятся к светской беллетристике, развлекательному жанру, ориентированному на вымысел, развлечение, фантазию, порождающих «мечтательство», что не было свойственно обломовцам.

Тихую и невыразительную природу Обломовки автор противопоставляет эффектным литературным картинам Вальтера Скотта в «швейцарском или шотландском вкусе» [Гончаров 4: 105]. Обломовцы же видели подлинную поэзию в природе и жизни. Для самого Обломова «жизнь есть поэзия». Не случайно Штольц называет Обломова поэтом: «Да ты поэт, Илья!», и Обломов не отказывается от этого прозвания, а только уточняет: «Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия. Вольно людям исказить ее!» [Гончаров 4: 181]. Обломов понимает жизнь в свете возвышенного. Искажение поэтического в представлении героя комично. Понимание Обломовым жизни как поэзии в контексте возвышенного превращает его в трагического персонажа. Однако трагизм Обломова снимается его самоосмеянием, смирением и простотой. Обломов и принадлежащие к миру обломовцев персонажи (Захар, Агафья Матвеевна) далеки от западной культуры, от мечтательства и фантазий. Не подвержен фантазиям и Штольц, но на других, западно-прагматических основаниях, нежели обломовцы. Ольга же, напротив, «фантазерка» и мечтательница, как она сама себя называет. Не случайно Ольга ассоциируется с образами западной культуры, с романтическими идеалами. В воображении Обломова Ольга предстает то Корделией Шекспира, то разгневанной богиней, то *Casta Diva* Беллини; ее образ перекликается с миром музыки Шуберта. Он не связан с какой-то конкретной культурной эпохой и в силу этого эклектичен. Наряду со Штольцем, Ольга не подвергается ни авторской иронии, ни осмеянию других персонажей. В отличие от Ольги, Агафья Матвеевна сравнивается с предельно земными природными образами, чаще имеющими

непосредственное отношение к православной традиции. Собственно, и смех в «Обломове» имеет онтологическое оправдание только в связи с ней. Все другие аспекты комического (психологические, культурные, ментальные) оказываются непосредственно связанными с православной аксиологией, определяются ею или вытекают из нее. «Невидимые миру слезы» гоголевской поэтики в «Обломове» Гончарова выступают наружу, основным эмоциональным фоном которого является грусть о несовершенстве земного мира и человека, соединенная с улыбкой. Незлобный, дружный, «несказанный» смех Обломовки защищает ее мир от страха и зла, примиряет со страданиями и утешает, сохраняет его единство и духовную свободу.

Список литературы

- Аверинцев С.С.* Бахтин, смех и христианская культура // Аверинцев С.С. Связь времен. Киев: Дух і літера, 2005. С. 342–359.
- Аверинцев С.С.* Бахтин и русское отношение к смеху // Аверинцев С.С. Связь времен. Киев: Дух і літера, 2005. С. 360–365.
- Анненский И.Ф.* Гончаров и его Обломов // Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 251–271.
- Аристотель.* Поэтика // Мыслители Греции. От мифа к логике. Сочинения. М.; Харьков: Фолио, 1998. С. 700–736.
- Бахтин М.М.* Творчество Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=53048&p=1> (дата обращения: 05.11.2021)
- Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит, 1977–1980.
- Григорьев А.А.* И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 144–188.
- Григорьев А.А.* Граф Л.Н. Толстой и его сочинения. Статья вторая. Литературная деятельность графа Л. Толстого. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/tolstoj.htm> (дата обращения: 03.11.2021).
- Гришанова Е.В.* Категория комического в истории философской мысли античности // Научный потенциал. 2015. № 1 (18). С. 3–6.
- Гродецкая А.Г.* «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова. *Bidliotheca slavica savariensis*. Szombathely. 2013. Т. 13, pp. 38–47.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. Письма 1860–1868.
- Дружинин А.* «Обломов», роман Гончарова. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml (дата обращения: 02.10.2021).

Златоуст И., св. Творения. Беседа 15. URL: <https://svyatyae.com/chitat/Sviatitel-Ioann-Zlatoust-Polnoe-sobranie-tvorenii-Tom-12-Chast-1> (дата обращения: 30.09.2021).

Ермолаева Н.Л. О своеобразии юмора И.А. Гончарова // Вестник Ивановского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Филология. 2012. Вып. 1. С. 3–15.

Карасев Л.В. Философия смеха. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 221 с.

Леонтьев К.Н. Анализ, стиль и веяние. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0130oldorfo.shtml (дата обращения: 30.09.2021).

Лествичник И., преп. Лествица. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2002. 445 с.

Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Алетейя, 1977. С. 342–403.

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 296 с.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose010/refer.htm> (дата обращения: 08.11.2021).

Лосев А.Ф. Ирония // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose008/index.htm> (дата обращения: 08.11.2021)

Отрадин М.В. К вопросу о своеобразии эпической объективности и роли юмора в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И.А. Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 г. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 115–126.

Пронн В. Проблемы комизма и смеха. URL: https://royallib.com/read/propp_vladimir/problemi_komizma_i_smeha.html#0 (дата обращения: 09.11.2021).

Сычев А.А. Природа смеха или Философия комического. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2003. 176 с.

Токарева М.А. Традиции смеха и улыбки в русской и западной культурах // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 93–103.

References

- Averintsev S.S. Bakhtin, smekh i khristianskaya kultura* [Bakhtin, laughter and Christian culture]. Averintsev S.S. *Svyaz vremyen* [Link of times]. Kiev, Dukh i litera Publ., 2003, pp. 342–359. (In Russ.)
- Averintsev S.S. Bakhtin i russkoye otnoshenie k smekhu* [Bakhtin and Russian attitude towards laughter]. Averintsev S.S. *Svyaz vremyen* [Link of times]. Kiev, Dukh i litera, 2005, pp. 360–365. (In Russ.)
- Annensky I.F. Goncharov i ego Oblomov* [Goncharov and his Oblomov]. Annensky I.F. *Knigi otrazheny* [Books of reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979. pp. 251–271. (In Russ.)

Aristotle. *Poetics. Mysliteli Gretsii. Ot mipha k logike* [Greek thinkers. From myth to logic]. *Sochine-niya* [Writings]. Moscow, Kharkov Publ., 1998, pp. 700–736. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Rable i narodnaya kultura Srednevekovyia i Renessansa* [Rabelais' legacy and folk-life culture of the Middle Ages and Renaissance]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=53048&p=1> (access date: 05.11.2021). (In Russ.)

Goncharov I.A. *Oblomov* [Oblomov]. Goncharov I.A. *Sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Collected edition]: in 8 vols. Moscow, Khud. lit. Publ., 1977–1980. (In Russ.)

Grigoriev A.A. *I.S. Turgenev i ego deyatelnost. Po povodu romana "Dvoryanskoye gnezdo"* [I.S. Turgenev and his activities. In regards to the novel "Home of the Gentry"]. Grigoriev A.A. *Iskusstvo i npravstvennost* [Art and morality]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986, pp. 144–188. (In Russ.)

Grigoriev A.A. *Graf L.N. Tolstoy i ego sochine-niya* [Count L.N. Tolstoy]. *St. 2: Literaturnaya deyatelnost grapha L. Tolstogo* [Article 2. Literary activity of Count L. Tolstoy]. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/tolstoj.htm> (access date: 03.11.2021). (In Russ.)

Grishanova E.V. *Kategoriya komicheskogo v istorii filosofskoy mysli antichnosti* [The category of the comic in the history of the antiquity philosophy]. *Nauchny potentsial* [Scientific potential], 2015, № 1 (18), pp. 3–6. (In Russ.)

Grodetskaya A.G. *"Paphos serediny": ironia i avtoi-roniya u Goncharova* [Pathos of the middle: Concharov's irony and auto-irony]. *Goncharov: zhivaya perspektiva prozy. Nauchniye staty o tvorchestve I.A. Goncharova* [Goncharov: vivid perspective of prose. Scientific papers about I.A. Goncharov's creative works]. *Bibliotheca slavica savariensis. Szombathely*, 2013, vol. 13, pp. 38–47. (In Russ.)

Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete set of works: in 30 vols]. Lenin-grad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, iss. 2: Pisma 1860–1868 [Letters 1860–1868]. (In Russ.)

Druzhinin A. *"Oblomov", roman Goncharova* ["Oblomov", Goncharov's novel]. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml (access date: 02.10.2021). (In Russ.)

Zlatoust I. *Tvoreniya* [Creations]. *Beseda 15* [Homily 15]. URL: <https://svyatye.com/chitat/Sviatitel-Ioann-Zlatoust-Polnoe-sobranie-tvorenii-Tom-12-Chast-1> (access date: 30.09.2021). (In Russ.)

Ermolaeva N.L. *O svoeobrazii yumora I.A. Goncharova* [About peculiarities of I.A. Goncharov's humour]. *Vestnik Ivanovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. Philologiya* [Ivanovo state university Bulletin. Ser.: The Humanities. Philology], 2012, vol. 1, pp. 3–15. (In Russ.)

Karasev L.V. *Philosophiya smekha* [Philosophy of laughter]. Moscow, Rossiiskii gos. gumanitarnyi universitet Publ., 1996, 221 p. (In Russ.)

Leontiev K.N. *Analiz, stil i veyanie (o yumore Goncharova)* [Analysis, style and vagaries (about Goncharov's humour)]. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0130oldorfo.shtml (access date: 30.09.2021). (In Russ.)

Lestvichnik I. *Lestvitsa* [The Ladder of Divine Ascent]. Moscow, 2002, 445 p. (In Russ.)

Likhachov D.S. *Smekh kak mirivozzrenie* [Laughter as worldview]. Likhachev D.S. *Istoricheskaya poetika russkoy literatury* [Historical poetics of Russian literature]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1977, pp. 342–403. (In Russ.)

Likhachov D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Rus]. Lenin-grad, Nauka Publ., 1984, 296 p. (In Russ.)

Losev A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Esthetics of the Renaissance]. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose010/refer.htm> (access date: 08.11.2021). (In Russ.)

Losev A.F. *Ironiya* [Irony]. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya* [The history of the antique esthetics. Outcomes of the thousand-year development]. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose008/index.htm> (access date: 08.11.2021). (In Russ.)

Otradin M.V. *K voprosu o svoeobrazii epicheskoy obiectivnosti i roli yumora v romane I.A. Goncharova "Oblomov"* [To the question of peculiarities of epic objectivity and the role of humour in I.A. Goncharov's novel "Oblomov"]. Goncharov I.A. *Materialy yubileynoy goncharovskoy konpherentsii 1987 goda* [Proceedings of the anniversary conference devoted to I.A. Goncharov 1987]. Ulyanovsk, Simbirskaya kniga Publ., 1992, pp. 115–126. (In Russ.)

Propp V. *Problemy comisma i smekha* [Issues of the comic and laughter]. URL: https://royallib.com/read/propp_vladimir/problemi_komizma_i_smecha.html#0. (access date: 09.11.2021). (In Russ.)

Sychev A.A. *Priroda smekha ili Philosophiya comicheskogo* [Nature of laughter or Philosophy of the comic]. Saransk, Mordovia State Un-ty Publ., 2003, 176 p. (In Russ.)

Tokareva M.A. *Traditsii smekha i ulybki v russkoy i zapadnoy kulturakh* [Traditions of laughter and smile in Russian and western cultures]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Issue 19: Linguistics and intercultural communication], 2005, № 3, pp. 93–103. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.11.2021; одобрена после рецензирования: 19.12.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 10.11.2021; approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 09.02.2022.